Виктор Иванов

Иванов Виктор Викторович — аналитик, кандидат экономических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Viktor V. Ivanov — National Research University "Higher School of Economics" (HSE).

Открытка. Художник Ю. Лукьянов «Октябрьская революция», 1975 г.

Опять 17. Опять по миру бродит призрак!

Успокоим всех сразу. Революций в России в 2017 г. совершенно точно не будет. Более того, для России этот период окажется успешнее предшествующих лет, она имеет хорошие шансы на определенный рост, особенно если начнет активную индустриализацию. Однако мы не поручимся за ситуацию в других странах. И если 2017 г. в целом для мира останется относительным островком спокойствия, то до 2020–2022 гг. ситуация изменится коренным образом.

Нет сомнений, что в перспективе трех-четырех лет основной демонтаж ждет наднациональные образования. В первую очередь распад затронет Евросоюз. Устоит ли Америка в вихре мировых изменений, пока не ясно, но в глобальной системе ее сателлитов революционных изменений не избежать. При этом искренне хочется надеяться, что такого рода события, особенно на Украине, обойдутся без многочисленных жертв.

Ускорится процесс углубления неравенства как в рамках мира в целом, так и в отдельных обществах, обеднение широких масс не только углубится, но и существенно затронет средний класс, усиливая концентрацию мирового богатства под контролем преимущественно административных элит. Ускорение данного процесса будет обусловлено последовательным развитием социально-экономических кризисов и крахом на всех основных рынках, прежде всего в пространстве единого открытого рынка, что приведет к существенному росту безработицы, социальной напряженности, мощным протестным движениям, а также возможному голоду в отдельных странах. Собственно, почти все социальные проявления в мире уже о себе заявили, но следу-

УДК 930.85

Приближается 100-летний юбилей неординарных событий, навсегда изменивших наш мир. Это заставляет очень многих политиков и обывателей со страхом и интересом искать в современном бурном времени столетние аналогии. Считаем, что в этом есть прямой смысл, но несколько иные резоны, чем это представляется большинству.

Ключевые слова
1917, Октябрьская революция, Великая депрессия, мировой кризис, индустриализация, народные массы.

ет ждать их существенного роста в более глобальном масштабе.

Перманентный мировой кризис, носящий фундаментальный характер, к 2020 г. из антиглобалистского и конфессионального перейдет в кризис регулирования финансовых и социальных систем, включая бюджеты, рынки услуг, глобальный мировой финансовый (рынки ценных бумаг, валютный, банковский), производства товаров и сельхозпродукции, сформировав тем самым и общий кризис социально-экономической модели.

В рамках краха на валютных рынках может быть в существенной мере разрушена мировая валютная система, включая евро и доллар как мировые и резервные валюты. Смогут ли оставшиеся мировые валюты и закрытие крупных национальных финансовых рын-

В. Кузнецов «Штурм Зимнего дворца»

Again 17. The Ghost is Wandering Worldwide Again!

A hundred-year anniversary of extraordinary events, which have forever changed our world, is approaching. This makes very many politicians and philistines with fear and interest to look for a century-old analogies in modern turbulent times.
We believe that this has got a direct meaning, but rather different reasons than it seems to most people.

Keywords
1917, the October Revolution, the Great Depression, the world crisis, industrialization, the masses.

Виктор Иванов

>> Устоит ли Америка в вихре мировых изменений, пока не ясно, но в глобальной системе ее сателлитов революционных изменений не избежать.

ков других стран сдержать возникшую волну разрушения, пока спрогнозировать сложно. Но давление на них будет чрезвычайным, что приведет к девальвации в той или иной степени большинства мировых валют.

На этом фоне практически неизбежен также глубокий кризис ключевых международных организаций. Вслед за этим все открытые рынки обрушатся. В глубоком кризисе может оказаться вся международная банковская система. Систему международных отношений и сфер влияния придется выстраивать заново. Ключевую роль будут играть национальный протекционизм и сила государств, основанная на развитии собственных хозяйств.

Однако конца или заката истории не произойдет. Мир постарается остаться единым, но территории опережающего развития коренным образом поменяют свой характер, как, впрочем, и механизмы взаимодействия, включая финансы.

Возникает резонный вопрос: какова цена такого прогноза? Среди множества предсказаний, сделанных в наше неспокойное время, есть всякие. Какие-то с объяснениями, чаще туманными, какие-то и вовсе без них. Мир тем временем преподносит сюрприз за сюрпризом, предсказать которые еще вчера почти никто не брался, а на лицах практически всех популярных и не очень специалистов видна растерянность. Прежде всего никто не может четко определить фундаментальные причины происходящего, хотя в оценке самой картины многие сходятся.

В связи с этим отметим, что в основе данных прогнозов лежит анализ собственной теории общественного развития, вскрывающей глубинные механизмы развития общества, конструкция и эволюция которых базируются на современных научных знаниях, признаваемых официальной наукой, и не противоречит им, включает в себя и объясняет ограничения ряда общепринятых теорий общественного развития.

Более подробно данная теория будет представлена широкой публике позднее, а пока для объяснения сделанных нами прогнозов обратимся к истории почти столетней давности.

По нашему мнению, происходящее сегодня в мире имеет не просто аналогии с концом первой трети XX в., а напрямую является повторением событий этого периода. Как принято считать, столетие назад общество оказалось на новом витке смены общественно-экономической формации. Но периоды, названия и содержание части формаций тогда были определены неверно, в силу чего общество пока и не может сформировать для себя четкой картины происходящего, неосознанно блуждая в историческом тумане.

Так сложилось, что центральным в череде событий столетней давности принято считать Октябрьскую революцию в России. Ее последствия до сих пор и восторгают, и пугают значительную часть населения мира. Однако знаковой, действительно приведшей к окончательной смене формаций в XX в., по нашему мнению, следует признать другую историю — начало Великой депрессии (1929 г.). Как известно, разрешение этого глобального социально-экономического кризиса стало возможным благодаря введению жесткого госрегулирования. Именно госрегулирование (по нашему мнению, более широко — администрирование любых процессов), предложенное Кейнсом, фактически изменило мироустройство и окончательно закрепило в качестве нового правящего класса народившийся слой администраторов (как в государственных, так и в частных корпорациях).

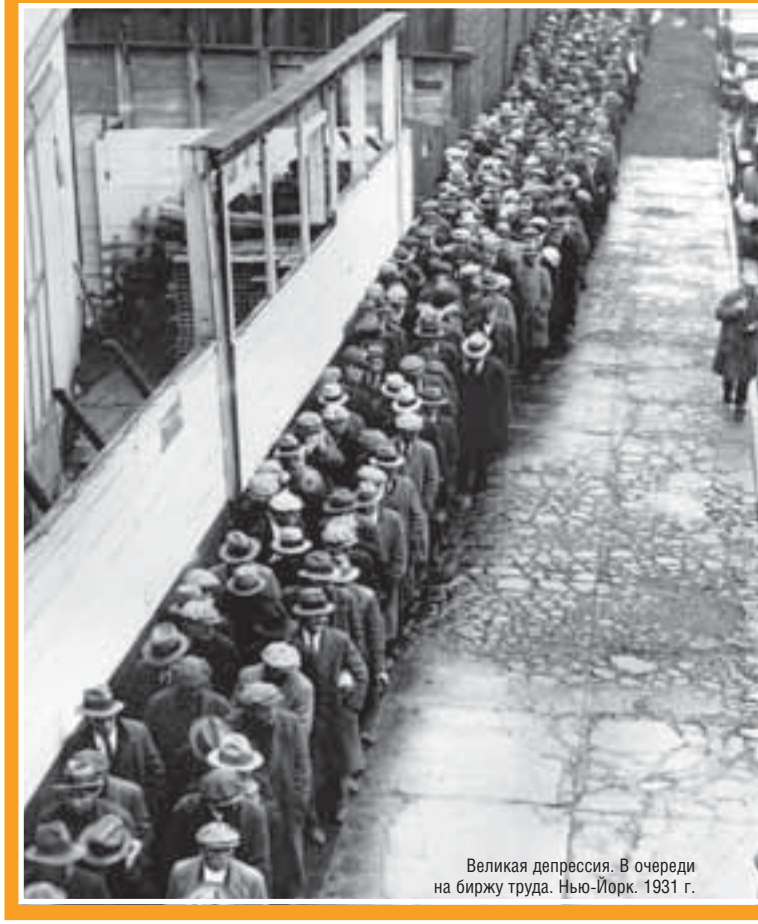
Несмотря на отсутствие широкого официального признания, реальная смена общественных формаций не прошла для мира незамеченной. Эта постановка вопроса широко обсуждалась в 1930–1940-е годы. Дискуссии затронули не только философов, но и специалистов в сфере управления, которым эта тема

была близка. Именно они смогли рассмотреть происходившее в 1920–1930-х годах с иных, немарксистских, позиций, задававших тогда тон в осознании общественного миропорядка. В результате в начале 1940-х годов в знаковой работе «Революция управляющих» Бернхема эти события и были определены как повсеместная смена формаций, переход, но не от «капитализма» к «социализму», а от «капитализма» к так называемому менеджеризму.

Именно данный термин прочно закрепился в немногочисленной литературе, разделяющей подобный взгляд на смену формаций. Однако мы считаем принципиально важным применение здесь другого термина — «администратор». Наше мнение основывается на следующем. Во-первых, менеджерами по своей сути являются представители правящего класса любой формации. Во-вторых, представители актуального правящего класса прежде всего занимаются регулированием, регламентированием и распределением, что согласно современной теории управления соответствует сугубо административной функции.

Заметим, что еще до Бернхема, первым предложившего термин «менеджеризм», сам процесс и его особенности достаточно четко определили в своих работах российские политики и философы (прежде всего Бакунин, Бердяев, Троцкий). При этом они также четко определяли, что и в СССР строится не социализм. По понятным причинам эту трактовку смены формаций первоначально рассматривали лишь в западном обществе. Там вопрос имел успех, достаточно активно обсуждался до начала 1970-х, а затем вдруг полностью «растворился». В дальнейшем о нем практически забыли, вспоминая скорее как курьез или историческую данность. В результате на многие десятилетия под одним социально-экономическим явлением (капитализм) стали понимать фактически два различных (капитализм и администризм), что по мере развития второго явления вело к катастрофическому накоплению ошибок, просчетов и расхождений уже не только в теории.

Именно поэтому большинство специалистов и публичных политиков, пытающихся объяснять текущие проблемы и изменения с позиции классического капитализма, так хорошо работавшего в XIX и начале XX в., оказываются не в состоянии это сделать. В результате в их лексиконе кроме «классического либерализма и капитализма» появились в корне отличные от этих терминов и притянутые за уши «неолиберализм», «постмодернизм», «постиндустриализм» и прочие подобные конструкции. Все чаще также выражается удивление по поводу того, что теория капитализма в наши дни что-то совершенно не работает, да и демократия стала какой-то не такой. Между тем управленческую/административную элиту уже официально признают правящим классом, и определяют ее характер как наднациональный. Наконец, статистика. За последние 25 лет в Америке 99% населения почти не увеличили своих доходов, в то время как 1% увеличил свою капитализацию в 300 раз (!). И этот 1% преимущественно состоит из... наемных



Великая депрессия. В очереди на биржу труда. Нью-Йорк. 1931 г.

топ-менеджеров. А регулярные скандалы с невероятными доходами, в которых фигурируют одни менеджеры? Это называется «назло маме отморожу уши», но не признаюсь, что времена-то действительно разные.

Откуда же это странное поведение, граничащее с коллективным сумасшествием? По нашему мнению, у явления есть простые рациональные причины.

В части непризнания за новой формацией управленческого или административного содержания советской идеологией все ясно. Признание в корне переворачивало бы весь выстроенный идеологический институт. Именно поэтому все, кто делал такого рода выводы, а также формировал столь же неудобные теории развития (например, Вернадский, Кондратьев, Чижевский, Сорокин), автоматически становились врагами, а их наследие вычеркивалось или запрещалось.

Рассматривая вопрос создания теорий общественного развития, мы приходим к выводу, что практически все крупнейшие открытия начала XX в. в этой области совершили российские научные и общественные деятели, как, впрочем, и открытия во многих других областях знания. Воистину основным продуктом России являются смыслы. Но, увы, практически все результаты этих усилий ни временем, ни страной и миром востребованы не были. Это важный урок, который нам надо обязательно выучить, чтобы не пришлось опять махать во след очередному Китаю, так как основным товаром завтра будут именно смыслы и знания.

Если ситуация с СССР более или менее понятна, то почему к новым научным воззрениям так отнесся просветленный Запад? А потому что первое правило любого кукловода — всегда оставаться в тени.

Кто убил Кеннеди? Кто баламутит полмира? Откуда и почему возникают болезни, разъедающие традиционные общества? «Цветные революции»... какие «цветные революции»? Мы здесь случайно, просто раздаем печеньки, а если что, все вопросы к «бесчеловечному миру капитала и наживы» и невидимой руке то ли рынка, то ли проведения. Невидимые, незримые, простые наемники... компаний и госструктур, буквально такие же, как и все атомы общества. Кому же тут предъявишь претензии? Не Господу же Богу? И тут Трамп и его инаугурационная речь о «вашингтонском болоте», да еще всполошившийся и потерявший дар речи Давос. Думается, госпожу Меркель ждут новые великие открытия — мир не только стоит перед радикальными изменениями, как она недавно справедливо заметила, но еще и давно представляет совсем иную конструкцию. Впрочем, кому как не ей знать, какую.

И как здесь ни вспомнить Библию. Моисей водил евреев в поисках Земли обетованной по пустыне 40 лет. А мы, ведомые либеральным светочем, искали свой капитализм всего 25, при этом и то и другое оказалось в большей степени лишь иллюзией, так что мы еще легко отделались. И опять те же грабли... Не надо искать чужого, надо строить свое, мы способны делать это лучше, чем другие. Их это больше всего и раздражает.

Таким образом, всем весьма решительным маркет-мейкерам этой формации, хотя и по разным причинам, совершенно не было надобности добавлять ясности в картину происходящего, тем более имеющийся в распоряжении механизм невиданного ранее буквально промышленного манипулирования массами не только позволял, но и обязывал. Однако всему свое время.

Говоря о том, что ключевым событием смены формаций была не Октябрьская революция 1917 г., а Великая депрессия, мы не предлагаем умалить ее значимость и место в истории. Более того, считаем, что она действительно была великой и прогрессивной. Вместе с тем в понимание ситуации надо внести ясность. По нашему мнению, революция действительно явилась общественным ответом на генеральный вызов того времени, заключавшийся в противоборстве бесконтрольного правящего капиталистического класса и всего остального общества и в крайнем разрушении социальной справедливости. При этом Россия в силу целого ряда объективных причин выбрала из имевшихся тогда направлений наиболее близкий ей ментально социальный формат переустройства, тем более что он был ближе всего сути формационного конфликта капиталистов с обществом. При этом само переустройство общества оказалось отнюдь не диктатурой пролетариата (существовавшей в первые годы революции), а формированием, как и во всем мире к началу 1930-х годов, нового механизма организации общества и представляющего этот механизм правящего класса — администраторов-управленцев. Таким образом, СССР на протяжении большей части своего существования являлся административно-бюрократическим государством социального типа (формата), а смена формаций в СССР прошла при сохранении суверенитета страны, лидера и формально без революционных переворотов. Впрочем, как и везде, вслед за провозглашением нового управленческого формата произошла смена правящего класса, которая в свою очередь оказалась кровавой. Соответственно в основе событий 1937–1938 гг. лежала не спонтанная борьба кланов за власть, а исторически обусловленная смена управленческого аппарата.

Не углубляясь в детали в данной статье, отметим, что, по нашему мнению, появление разных форматов одной формации на всех этапах развития (социализм, либерализм и пр.) — процесс не случайный, а вполне закономерный и поддающийся изучению. Все эти форматы являются важными элементами общей системы, отражающими ее построение в разных условиях, но на одних и тех же универсальных признаках. При этом, казалось бы, случайная инвариантность выбора является глубоко детерминированной, как и появление СССР.

Более того, по нашему мнению, следует говорить о том, что одним из ключевых факторов процесса развития общества и смены формаций является конкуренция и проработка особенностей модели за счет параллельного развития ряда ключевых форм любой формации, которые также разделяются на следующие: социальную (отражающую механизм связей), производственную (отражающую механизм деятельности), национальную (отражающую географическую привязку), мировоззренческую (отражающую взгляды, религию и культуру).

>> Воистину основным продуктом России являются смыслы.

Начало XX в. богато на эпохальные события. Любое из них было знаменательным. Однако выбор учеными мужами и общественными деятелями событий, определяющих смену формаций, был сделан в пользу революций. Очевидно, что их разрушающая способность и кардинальность изменения сами по себе определяли революционное событие — как естественную смену ключевых исторических вех. Тем более что в их рамках общества боролись с историческими вызовами и сами революции несли широкий спектр перемен, включая изменение календаря. Вместе с тем не они открывали бал.

Ошибка в том, что революция сама по себе не является обязательным элементом смены эпох. Она всего лишь отражает наличие ослабленных, не способных к самостоятельной трансформации обществ, сплошь и рядом случаясь на всем протяжении всех формаций. Смена же формаций происходит во всей модели независимо от революционного состояния и практически одномоментно (в историческом масштабе). 1929-й и последующие годы были весьма сложным периодом практически для всех стран (недаром несколько лет назад на украинской выставке, посвященной Голодомору, обнаружили чисто американские

фотографии того времени), так как капиталистический механизм развития общества уже выполнил свою историческую миссию и требовал смены — весь мир погрузился в жесточайший кризис модели. Идеологическое противостояние в силу своей природы вынуждало отрицать, что в это время миллионы людей оказались за чертой выживания не только в капиталистической системе, но и в социалистической. Сталин же не мог тогда признать, что в советской системе возможны кризисы, это противоречило базовым постулатам построенной доктрины. Но все это парадоксальным образом не помешало практически одновременно (несмотря на все различия) сменить систему организации на административную, отдав предпочтение методам государственного регулирования и используя те же подходы в управлении не только частных и транснациональных компаний, но и государств.

Отметим, что администрирование как система общественной организации, по нашему мнению, имело ключевой задачей в первую очередь распределение, а не производство, как капитализм. Капитализм и соответствующая ему функция предпринимательства в целом насытили мир продукцией, которую теперь необходимо было в большей степени распределять (вспомним, что кризисы тех времен еще называли кризисами перепроизводства), исправляя дисбалансы производства и потребления, оставшиеся к этому времени в разных странах. Также, по нашему мнению, и другие формы администрирования, соответствующие социальному, производственному, национальному и мировоззренческому формату (коммунизм, либерализм и даже нацизм с исламским фундаментализмом), по факту были не просто форматами общественной формации, ориентированными на захват лидерства в глобальном международном пространстве, но прежде всего выполняли функцию перераспределения, что делает сравнение эффективности экономического развития этих формаций бессмысленным. Все эти системы, очевидно, не направлены на комплексное и постоянное развитие высокими темпами, а лишь позволяют оптимизировать имеющийся потенциал за счет перераспределения (в том числе и странового). Это обстоятельство закладывает причины потенциального конфликта такой системы управления с обществом как в части потребителей, так и в части производителей. И в конечном итоге чревато потерей общемировых темпов роста. Эту картину мы и наблюдаем в настоящее время.

По нашему разумению, внимательный читатель здесь обязан возмутиться. Действительно, как же можно делать вывод об отсутствии способности текущей формации производить, если как раз, начиная с 1920–1930-х годов, был практически с нуля построен СССР, а в конце 1940–1950-х заново пришлось отстраивать не только СССР, но и Европу, а затем и страны Азии, Африки и Латинской Америки. И, хотя мы до сих пор нет-нет да и «гоняемся за 1913 годом», следует признать, что кратный рост производства в XX столетии произошел в 1930-е и 1950–1960-е.

>> Не существует общественно опасных классов и функций, есть лишь проблема с их балансом в рамках общества.

Все это так, но и никаких противоречий в этом нет. Предшествующая эпоха (капитализм) должна была и в целом, в первом приближении, выполнила задачу общего насыщения рынка. Недаром экономические кризисы того времени уже называли кризисами перепроизводства, а основные экономические стратегии на рынках формировали исходя из позиции покупателя, а не продавца. Ситуация была неоднородной, зато мир стал глобальным и проще было перераспределять созданное, чем продолжать максимально наращивать производство, что в конечном счете привело бы к еще большим диспропорциям.

При этом и с производственной функцией ничего страшного не происходит. Она будет действовать всегда — и сейчас, и в далеком будущем. Очевидно также, что объем чистого производства будет даже расти — чего стоит один только ожидаемый глобальный выход хозяйственной деятельности в космос. Но расширение производства в будущем станет не доминирующей задачей и не бесконтрольным про-

цессом, а будет исходить из других ключевых задач общества, как это сегодня и происходит. Разрешат — построишь свой небоскреб, даже если он потом будет стоять пустой. Не разрешат — по уши утонешь в мусоре, но завод по переработке мусора никто строить не даст. Или, например, в 1950-е Европу отстроили, а в 1990-е Россию нет, потому что такой команды не было. И наши потребности, и наши возможности никакой роли не сыграли.

Разумеется, не только этот фактор определял возможности индустриального развития в рамках работы чисто распределительного механизма. Так, по нашему мнению, ключевой и пока еще не осознанной в полной мере особенностью любой формации является то, что сначала потенциал нового правящего класса и порождающей его системы организации работает на взрывное развитие общества, а затем сформировавшаяся, но все еще остающаяся без надлежащего контроля и с исчерпанным потенциалом новая элита пытается выжать последнее из самого общества.

Для руководства СССР выполнение первых пятилеток было вопросом жизни и смерти. При этом за спиной — богатый опыт организации экстремального выживания. Очевидно, что насилие заняло очень важное место в организации работ. Сколько бы ни погибло людей и как бы они ни погибли, эта страница истории будет для нас тяжелой. Ее не вычеркнуть. Но все же, думается, причиной успеха первых пятилеток и индустриализации страны является не столько насилие, сколько потенциал новых методов организации и природной мощи социального единства, которая дополнительно была искусно усилена в сознании широких народных масс. Одно только насилие никого бы не остановило. Да и ничего бы не дало. В 1990-е мы потеряли больше людей, и насилие было тоже страшным, однако, заплатив эту кровавую цену, большинство получило разруху.

Проблему жертв, тем более массовых и нередко невинных, рассматривать всегда тяжело. Еще сложнее найти в этом правду, тем более какую-то новую. Не хочется теребить эти раны. Постараемся быть деликатными по отношению к памяти павших и выживших. Очевидно, что вся первая половина XX в., какой бы прогрессивной и фатальной она ни была, является большой человеческой трагедией, забыть которую сложно. Многие из тех, кто погибал и убивал, были по-своему правы. Много пишется о том, что раньше смерть и убийства воспринимались более легко, по-другому. С научной точки зрения это, наверное, так. Но эмоционально с этим сегодня все равно невозможно смириться, тем более что смотрим мы на те события не из праздного интереса, а примеряя все на себя.

К глубокому сожалению, человечество в процессе истории крайне редко выходило из ключевых цивилизационных конфликтов хотя бы малой кровью. И происходящее сейчас в мире в этом плане совсем не радует. Вместе с тем наши исследования по данному вопросу показывают, что еще одной особенностью текущего исторического этапа (формации) является существенный рост в обществе понимания ценности каждой человеческой жизни. Это заметно и находит отражение в постоянном последовательном снижении числа жертв и остроты конфликтов, что позволяет надеяться на сохранение многих человеческих жизней в этот непростой период истории.

Также важным является еще один вывод. Страна, втянутая в конфликты, ведущая войны и не способная вовремя пресекать на своей территории рост насилия, не просто теряет многих

Плакат. Художник П. Кривоногов «Нефтяники, больше нефти Родине! Выполним пятилетку в 4 года». 1948 г.

своих граждан в процессе этого насилия, но на долгие годы обрекает себя на ловлю джинна, вырвавшегося из бутылки и продолжающего свою кровавую жатву. В этом плане руководители страны и силовых ведомств за последние годы провели большую работу. Конечно, в любой деятельности имеются проблемы и недостатки, да и наиболее сложные времена еще впереди, но у нас есть вполне оправданная надежда, что страна и ее граждане на этом историческом перепутье будут максимально защищены. Недаром наблюдаются консолидация и высокий уровень доверия населения к работе силовых структур.

В жизни опасны любые крайности. Так, Маркс и другие ответственные товарищи увидели, что капиталисты как правящий класс свою историческую задачу выполнили, и поторопились сделать вывод, что это позволяет их выбросить на свалку истории в буквальном смысле. Тем более что к этому времени они достаточно накуролесили, да и за счет их ликвидации можно было удачно решить ряд попутных вопросов. Скажем честно, марксистская теория общественного развития, изначально складывавшаяся как передовое фундаментальное научное ученье, в конечном итоге была подогнана под политическую конъюнктуру момента, что перебаламутило полмира на столетие, породив красивые символы, но фактически уведя всех в сторону.

В результате уничтожение капитализма как класса в СССР диктовалось тогда целостностью идеологии. Частная собственность не вписывалась в светлое будущее, а активное настоящее предполагало скорее развитие мировой революции, нежели производственного процесса. Однако мировой пролетарской революции не случилось, и уже на начальной стадии развития государства стала ощущаться нехватка предпринимателей, которыми фактически и были капиталисты. Вместе с тем ни НЭП, ни перестройка, ни частичные послабления в другие периоды развития страны не позволили в полной мере изменить ситуацию. Лишь Китай в конце XX — начале XXI в. смог вернуть в социалистическое общество предпринимателей, существенно трансформировав идеологию развития. Результат налицо. Вывод напрашивается сам. Не существует общественно опасных классов и функций, есть лишь проблема с их балансом в рамках общества.

На этой же основе можно развеять еще один расхожий миф, что успех современного Китая — в симбиозе двух противоборствующих систем. На практике все оказалось вполне органичным и естественным — капитализм как строй канул в Лету почти сто лет назад, социализм в марксистском его понимании еще не случился, а симбиоз лишь восстановил то, что и должно было находиться в рамках единого общественного организма при любом строе. Именно восстановление целостности общественной модели позволило Китаю более полно (по сравнению с СССР) раскрыть потенциал социального административного регулирования. Впрочем, эти выводы не умаляют, а лишь подчеркивают подлинную мудрость китайского руководства. С другой стороны, неверное восприятие пути может само не туда завести.

История не знает сослагательного наклонения, поэтому мы не можем точно определить, что произошло бы, если бы в СССР в 1960-х годах разрешили предпринимательство в экономической деятельности. Для возможной победы в 1980-е над либеральной частью мира советскому руководству потребовалось бы как минимум еще и не потерять управляемость страной. Но что действительно принципиально, именно в этот период времени какая-то из двух систем должна была бы

>> Причиной успеха первых пятилеток и индустриализации страны является не столько насилие, сколько потенциал новых методов организации и природной мощи социального единства, которая дополнительно была искусно усилена в сознании широких народных масс.

выиграть противоборство за контроль в глобальном мире. Если бы на месте Америки сегодня оказался Советский Союз, развитие которого последние 25 лет могло также идти по инерции за счет вновь полученных под контроль территорий, в мире с точки зрения сегодняшних событий принципиально ничего бы не изменилось. Только в роли Америки сейчас оказалась бы наша страна. Таким образом, развал наднациональных систем, а СССР и Евросоюз с НАТО и американским миром типичные наднациональные системы, в рамках процессов глобализации скорее всего неизбежен. Возможность распада непосредственно Китая и США требует дополнительной оценки, так как эти крупные социально-экономические центры построены в относительно более однородной среде, в то же время там вполне выделяются разнородные регионы, исторически тяготеющие к самостоятельности.

Вместе с тем, вглядываясь в прошлое, понимаем, что аналогии происходящего с развалом СССР уместны лишь отчасти. Во-первых, рассматривая события тех дней, отсчет надо вести не от 1991-го — номинального распада СССР, а от даты фактического начала распада советского блока — конца 1985-го, ознаменовавшегося сменой А.А. Громыко на проявившего себя впоследствии во всей красе Э.А. Шеварднадзе. Если бы СССР не имел столь ярко выраженной наднациональной структуры (хотя в отличие от Евросоюза это было достаточно интегрированное государство) и события фактически не являлись войной за мировое господство, то шансы на сохранение его в таком виде были бы выше. Во-вторых, в отличие от сегодняшней ситуации, когда распад наднациональных систем и отдельных государств приходится на смену формаций и повлечет за собой действительно эпохальное изменение организации общества, никакой смены формаций в 1991 г. не произошло. Именно поэтому не произошло никакого рывка и общество оказалось таким потерянным. Более того, страна, проиграв, фактически оказалась оккупирована, но новые технологии организации и контроля позволили усыпить общество и не дать ему раньше и острее отреагировать на ситуацию.

Российское общество и все его составляющие, включая бизнес, по-прежнему управляются административной элитой, да к тому же все еще в определенной мере находящейся под давлением администрации мировой, но уже жестко, без «социальной романтики». Впрочем, России сказочно повезло: ее возглавил В.В. Путин, заметно опередивший время и очевидно спасший страну от предписанного ей распада, деградации и забвения. Сегодня понятно, что настоящая любовь к Родине и глубокая ответственность перед обществом и историей позволили в самых неблагоприятных условиях сформировать патриотический стержень в управлении страной. Он еще не достаточен, но дает надежду, как и прорыв национальной темы, активно подхваченный мировым сообществом. Америка, Европа, Китай, Россия и многие другие страны, еще недавно совершенно разобщенные, казалось бы, неожиданно становятся ближе в своих стремлениях в рамках нового мейнстрима — коррекции национальных хозяйств, избавления от вредных перегибов глобального подхода.

Наблюдаемый ныне новый всплеск национального сознания, который вероятнее всего в целом ряде стран сможет породить и новую индустриализацию, это совсем не откат к прошлому, как могло бы кому-то показаться. Возможно, сама предпринимательская элита это воспримет как шанс реванша и возврата в капитализм (как сейчас говорят, «вернуться в классический капитализм»). Но никаких возвратов в истории не бывает. Есть только движение вперед. А наблюдаемый всплеск интереса к возрождению национальных ин-

дустрий отдельными странами — это задача текущего момента, выравнивания внутрихозяйственных дисбалансов, что и для Америки, и для России — стран с самодостаточной экономикой полного цикла — означает лишь необходимость подготовиться к следующему этапу социально-экономического развития, который подразумевает наличие производства не за тридевять земель. Другое дело, в каком именно виде должна появиться новая индустрия? Стройки века? 4.0? Или 3D? Заметим попутно, что по этой же причине целевые задачи развития Китая будут иметь явно другой характер.

И, конечно, в нашем обзоре столь примечательного юбилея нельзя пройти мимо еще одного ключевого понятия смены формаций, которое сложилось у нас на базе марксистской теории и было плотно закреплено Октябрьской революцией. «Верхи» не могут, «низы» не хотят — совершенно справедливое научное наблюдение, которое указывает на ключевой конфликт любой формации между правящим классом и государственной формой общества. Маркс, точно подметив сам конфликт, вероятно, в угоду политическим соображениям своей теории, а может быть и непреднамеренно, сузил понятие общества, государства до понятия «низов», причислив одновременно всю остальную элиту и управленческую вертикаль к «верхам». При этом они у него четко ассоциировались с понятием правящего класса. Чисто статистически погрешность невелика, так как других классов кроме пролетариев тогда было немного и математически ими можно пренебречь. Но это стало причиной трагедии для целых сословий и просто честных людей, для которых государство и Родина были не пустым звуком. Именно в этом коренятся причины чудовищного противостояния достойных сынов отечества и трагедий, пережитых ими по разные стороны границ. Иначе говоря, простое на первый взгляд казуистическое упрощение содержательно поставило все с ног на голову, на которой человечество в результате простояло почти сто лет, отчего ее способность к восприятию, видимо, резко снизилась. Пора приходить в себя! Да и юбилей обязывает.

И, наконец, как же здесь обойтись без классики? Художники очень тонко чувствуют нерв общества и именно поэтому часто удивляют нас предвосхищением событий. Закончить этот материал хотелось бы прозорливыми строчками Шварца из «Обыкновенного чуда», где он четко почувствовал глубинное содержание происходящего и опередил время, описав в качестве главного действующего лица именно администратора, очертил его типаж, раскрыл роль и конфликт с обществом:

«Робкий стук в дверь.

Войдите!

Входит очень тихий, небрежно одетый человек с узелком в руках.

Хозяйка. *Вы королевский повар?*

Человек. *Нет, хозяюшка, я первый министр короля.*

Хозяйка. *Кто, кто?*

Министр. *Первый министр его величества.*

Фото с сайта ЦБС ВАО. https://www.cbs-vao.ru/events/912/

Хозяйка. *Ах, простите...*

Министр. *Ничего, я не сержусь... Когда-то все угадывали с первого взгляда, что я министр. Я был сияющий, величественный такой. Знатоки утверждали, что трудно понять, кто держится важнее и достойнее — я или королевские кошки. А теперь... Сами видите...*

Хозяйка. *Что же довело вас до такого состояния?*

Министр. *Дорога, хозяюшка.*

Хозяйка. *Дорога?*

Министр. *В силу некоторых причин мы, группа придворных, были вырваны из привычной обстановки и отправлены в чужие страны. Это само по себе мучительно, а тут еще этот тиран.*

Хозяйка. *Король?*

Министр. *Что вы, что вы! К его величеству мы давно привыкли. Тиран это министр-администратор.*

Хозяйка. *Но если вы первый министр, то он ваш подчиненный? Как же он может быть вашим тираном?*

Министр. *Он забрал такую силу, что мы все дрожим перед ним.*

Хозяйка. *Как же это удалось ему?*

Министр. *Он единственный из всех нас умеет путешествовать. Он умеет доставать лошадей на почтовой станции, добыть карету, накормить нас. Правда, все это он делает плохо. Но мы и вовсе ничего такого не можем. Не говорите ему, что я жаловался, а то он меня оставит без сладкого.*

Хозяйка. *А почему вы не пожалуетесь королю?*

Министр. *Ах, короля он так хорошо... как это говорится на деловом языке... обслуживает и снабжает, что государь ничего не хочет слышать...»*

1956 г.

Вот и Трамп услышал... Кто следующий?

ПЭС 17054 / 10.04.2017